

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 330.8; 330.101.54

**РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ
ЭКОНОМИКИ В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ****Ю.К. Перский, д. экон. наук, проф. кафедры менеджмента и маркетинга**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 27

Д.Н. Шульц, к. экон. наук, доц. кафедры информационных систем и математических методов в экономикеЭлектронный адрес: shultz@prognoz.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

В статье показано развитие иерархического взгляда на экономику в истории экономической мысли, дан обзор современных направлений поиска мостов между микро- и макроэкономическими теориями.

Ключевые слова: иерархический анализ; микро- и макроэкономическая теории.

Одной из важнейших проблем современной экономической науки является вопрос о соотношении микро- и макротеории. Известны различные попытки совместного изучения различных уровней экономики, в том числе подход репрезентативного агента, поиск микрофундамента макроэкономики. Проблематика непротиворечивого описания микро- и макроэкономики находится в центре внимания пермской школы иерархического анализа профессора Ю.К. Перского.

В представленной статье дан исторический обзор развития представлений об иерархическом устройстве экономики, методологических подходов к анализу микро- и макроуровней и их взаимосвязей.

По всей видимости, первым мыслителем, обратившимся к экономической проблематике, был Ксенофонт. Его трактат «Ойкономия» [19] носит даже не микроэкономический, а, скорее, хозяйственно-бытовой характер: в нём обсуждаются вопросы распределения обязанностей между мужем и женой, поддержания запасов, подбора слуг и т.д. Аристотель [2] противопоставил экономию и хрестоматику. Первая представляет собой искусство ведения хозяйства, а вторая – накопление денег, заслуживающее порицания. Идеи Аристотеля о разумном накоплении богатства, справедливой цене обмена и т.д. получили развитие в средневековой схоластике с точки зрения моральной философии.

Начиная с XVI в. предмет экономической науки кардинально меняется и становится макроэкономическим. В центре внимания оказался вопрос общественного богатства, и в этом смысле показательно название наиболее знаменитого политэкономического трактата «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита [26]. «Под "экономикой" по-прежнему понималось искусство домохозяйства ... но внимание все больше фокусировалось на проблемах одного, особого типа "домохозяйства" – хозяйства королевского (или шире – государственного) двора» [10, с.28-29]. Экономические памфлеты того времени представляют собой советы правителю по налоговой и торговой политике. По аналогии с микроэкономической бухгалтерией возникают балансы бюджета и торговли.

Методологически экономика страны рассматривалась как отражение экономики домашнего хозяйства: то, что выгодно для домашнего хозяйства, – выгодно и для страны в целом. «Как само государственное хозяйство поначалу представлялось разновидностью домашнего хозяйства, так и управление им мыслилось по аналогии с большой патриархальной семьей» [10, с.37]. В качестве примера можно указать на теорию сбережений А.Смита. Поскольку для отдельного домашнего хозяйства расточительство пагубно, а экономия полезна, то и для государства необходимо стимулирование сбережений и ограни-

чение расходов. Таким образом, методология политэкономии в какой-то мере отражает принцип «репрезентативного агента» в макроэкономической теории XX в. Особенно это отразилось в экономических таблицах Ф.Кенэ [15], в которых поведение каждого класса собственников в целом отражает поведение типичного фермера, землевладельца или производителя.

Особая тема, активно изучавшаяся многими политэкономами, – вопрос соотношения интересов индивидов и интересов общества. В рамках либерального направления, основывающегося на философии номинализма, благосостояние индивидов первично и не может противоречить благосостоянию общества. Так, А.Смит исходил из естественной гармонии общего и частного. Его принцип невидимой руки предполагает, что следование частным интересам само по себе обеспечивает общественное благо. В этике И.Бентама и Дж.Ст.Милля общественное благосостояние есть сумма благосостояний отдельных индивидов. Соответственно, нормативным принципом экономической науки должна быть максимизация благосостояния для наибольшего числа людей [10, с.92,96]. Таким образом, уже в ту далёкую эпоху зарождается фундамент для исследований XX века вопроса о соотношении индивидуальных и общественных предпочтений.

Несколько особняком стоят исследования К.Маркса [21]. Немецкий философ и экономист для решения вопросов экономической науки активно прибегает к диалектическим категориям общего и частного, выделяя понятия общественного и частного труда, общественного и индивидуального капитала и др.

С позиций современной экономической теории отнести классическую политэкономия к микро- или макроэкономике достаточно сложно. С точки зрения объекта это скорее макроэкономика, поскольку в центре внимания находится экономическая система в целом, закономерности и источники её развития¹. С точки зрения методологии, это скорее микроэкономика индивидуализма, где законы развития общества выводятся из модели поведения репрезентативных агентов. В то же время значительное внимание уделяется абстрактным теоретическим вопросам, таким как понятие «стоимости», формирование которой рассматривается с позиции взаимодействия секторов и отраслей экономики.

Таким образом, политэкономия представляет собой смешение достаточно разнород-

ных элементов. На последующих этапах развития экономической науки каждый обозначенный элемент выкристаллизовался и стал самостоятельным научным направлением.

Переход от политэкономии к экономической теории в конце XIX – начале XX в. сопровождался строгим разделением единого предмета исследования на микро- и макроэкономику².

Так, методологически исследования неоклассиков опирались на философские принципы номинализма. Справедливо признавая, что именно индивидуальные экономические агенты являются носителями предпочтений, могут оценивать для себя выгоды и принимать решения, неоклассики ставят во главу угла методологические принципы субъективизма и рационализма. Наивысшим возможным объектом анализа становится взаимодействие домашних хозяйств и фирм в условиях рынка.

Изначально неоклассики сконцентрировались на решении прикладных задач, стоящих перед рыночными агентами, вместо обсуждения достаточно схоластических вопросов, сформулированных политэкономами [1, с.8, 6-7]. Прикладной, индивидуалистский подход проявился и в иной, по сравнению с классической политэкономией, трактовке понятия «стоимость». На смену объективной (трудовой) теории стоимости пришёл субъективный подход, в рамках которого стоимость стала пониматься практически как синоним ценности.

По всей видимости, именно методологические принципы неоклассиков предопределили их теоретические выводы относительно свойств экономики в целом. Рынок находится в равновесии, которое является устойчивым и оптимальным по Парето. Отклонение от равновесия возможно лишь случайно и временно. Вмешательство государства в экономику не требуется и необходимо лишь для того, чтобы охранять свободу функционирования «невидимой руки».

«Общая теория...» Дж.М.Кейнса [14] также была направлена на решение прикладных вопросов, но уже связанных с преодолением последствий Великой депрессии, а не с хозяйст-

¹ «Классическая политэкономия – это, по преимуществу, макроэкономическая теория. Ее предметом была экономика в масштабе страны, ключевым инструментом анализа – экономические агрегаты: общественный продукт и совокупные доходы крупных общественных классов» [10, с.75].

² В целом В.Автономов выделяет 2 «канона» в экономической теории. «Первый канон связан со стремлением достичь универсальных истин, применимых во всех географических и исторических контекстах. Он предполагает естественно-научный идеал» [1, с.6] и характерен в том числе для классиков и неоклассиков. Методология характеризуется относительной абстрактностью, дедуктивностью, рационализмом и формализмом. Второй, «менее абстрактный канон основан на опыте, строится снизу вверх» [1, с.6] и характерен для институционалистов, кейнсианцев, ордолибералов и исторической школы. Их методология более прагматичная, нормативная, эмпирическая.

венной деятельностью. Выход монументального исследования Кейнса ознаменовал возникновение макроэкономической науки. Методологически новая школа опиралась на эмпирические данные более, чем неоклассики с их абстрактными моделями рациональных потребителей и производителей³. В отличие от дедуктивного подхода маржиналистов, эмпирический материал кейнсианства рисовал иную картину: рыночная экономика представляет собой неустойчивую систему с постоянными кризисами перепроизводства, хронической безработицей и неспособностью рынков к саморегулированию.

Кейнс привнес в экономическую теорию ещё и нормативный подход. Задача экономистов отныне не просто изучение фактов, но и активное регулирование экономики. А сам Кейнс обосновал необходимость такого вмешательства и показал его эффективность.

Пожалуй, Кейнс ещё и первым обозначил свойства системности в экономике и показал несводимость вышестоящих уровней иерархии к своим элементам. Если во время экономического спада все предприниматели ведут себя по-своему рационально и сокращают работников, то тем самым они во всей экономике снижают занятость, совокупный спрос, потребительские расходы. Таким образом, экономическая депрессия только больше усиливается. То есть экономика в целом функционирует неэффективно, даже если каждый в отдельности действует эффективно и рационально. Рыночная экономика оказывается неустойчивой, даже если отдельные рынки находятся в устойчивом равновесии.

Но, наверно, главным достоинством оригинального кейнсианства была связь макро-теории с микроэкономическими предпосылками. Общая теория была не только макроэкономической, она базировалась на своеобразном микроосновании, которое будет потом утеряно и начнёт разрабатываться снова. Микроэкономическим базисом теории Кейнса являлись его концепция ожиданий, потребительский «психологический закон», модель поведения инвестора, институционалистское понимание провалов рынка, деятельности профсоюзов и т.д.

Таким образом, в начале XX в. в экономической теории выделились два «течения»: неоклассическая микроэкономика и макроэко-

номическая теория. Общая теория, по словам П.Самуэльсона, была, как все гениальные произведения, несистемна и непригодна для обучения, «написана тяжелым языком, плохо составлена ... в ней масса несуразностей и путаницы» [11, с.44-45]. Последователи Кейнса и его популяризаторы, (Дж.Хикс [34], П.Самуэльсон [24-25], Э.Хансен [16], Ф.Модильяни [39]) принялись разрабатывать строгую научную систему, активно применяя достижения физической теории. В рамках так называемого неоклассического синтеза аморфная и неоформленная кейнсианская микроэкономика была заменена на методически ясную, четко формализованную неоклассическую микроэкономику.

Тем не менее достаточно скоро были обнаружены недостатки такой компиляции. Хронологически первой критикой неоклассики можно считать работы Р.Клауэра [17] и А.Лейонхуфвуда [38], возглавивших движение за возврат к исходному кейнсианству. Первый попытался показать, что оригинальная теория Кейнса не может представлять собой частный (неравновесный) случай неоклассического синтеза. Наоборот, типичная рыночная экономика функционирует в ситуации хронической неполной занятости. И лишь случайным образом может оказаться в состоянии равновесия, описываемого неоклассической теорией. Соответственно, неоклассический синтез, когда пошёл на компромисс, восприняв язык равновесия, по сути, отверг всю новизну кейнсианства.

На уровне теории были сформулированы следующие противоречия «хиксианского кейнсианства» [27, с.87] с изначальными идеями Кейнса:

- в IS-LM модели предполагаются постоянные цены, что исключает из рассмотрения инфляционную проблематику⁴;
- неоклассический синтез является всецело статичным и детерминированным в отличие от исходной общей теории, важную роль в которой играли неопределенность, ожидания и динамика;
- некейнсианцы сконцентрировались на фискальной политике, полностью игнорируя монетарную.

В области методологии было отмечено, что IS-LM модель является сугубо макроэкономической, не имеющей своего собственного микрофундамента и даже противоречащей неоклассической микроэкономике. Так, неоклассическая микроэкономическая часть исходит из совершенно конкурентных рынков, полноты информации и совершенного предвидения агентов. В таких условиях и без государственного вмешательства рынок достигает устойчивого

³ Д. Коландер определяет методологию неоклассиков как аксиоматическую, базирующуюся на «трех китах»: предпосылках рациональности, преследовании собственных интересов и равновесии [18, с.86]; а С. Кюнтцель — как «гипотетико-дедуктивную» [20, с.102]. В любом случае исследователи указывают на то, что неоклассическая теория выстраивается на базе некоего изначального набора теоретических предпосылок по образцу естественно-математических дисциплин.

⁴ Дж. Итуэлл даже называет эту черту отличительным признаком кейнсианства [12, с.454].

равновесия и эффективного распределения ресурсов. А кейнсианская макроэкономическая часть синтеза предполагала, что рынки монополизированы, цены и заработные платы негибки, агентам доступна лишь ограниченная информация и сами они подвержены денежной иллюзии. В итоге экономика оказывается неустойчивой, неэффективной и требует государственного регулирования.

Другой пример противоречия – представления о поведении экономических агентов. В рамках неоклассического синтеза на микроэкономическом уровне постулируются рациональность и совершенное предвидение. Но на макроуровне рекомендуемая государственная политика «дешевых денег» будет эффективна только в случае наличия у тех же экономических агентов т.н. денежной иллюзии [11, с.57].

Таким образом, неоклассический синтез «оказывается логически противоречивой системой, состоящей из двух несовместимых концепций, которые дают очень несхожие представления об одной и той же экономике» [11, с.57]. Р.Лукас и Т.Сарджент называли экономическую теорию «шизофренической» дисциплиной, две основные ветви которой имели столь радикально различающиеся взгляды на мир [42, р.295-296; 33, с.485]. В то время как, по замечанию А.А.Пороховского, микро- и макроподходы должны изучать экономику как «целостный объект», должны быть просто взглядами с разных сторон на единый предмет [23, с.21].

В XX в. было приложено много попыток для разрешения противоречий между микро- и макроэкономическими частями экономической теории. Новое кейнсианство [40-41] можно рассматривать как попытку разработать, взамен неоклассической, новую микроэкономическую теорию, совместимую с выводами кейнсианской макроэкономики. Под таким микроэкономическим фундированием понимается «использование постулатов и методов микроэкономического анализа при исследовании макроэкономических явлений» [6, с.436].

В качестве микроэкономических причин, обосновывающих существование таких макроэкономических эффектов, как хроническая безработица, инфляция, цикл и т.д., были названы негибкость цен и заработных плат, асимметрия информации, монополистический характер рынков и т.д. Иными словами, микрооснования кейнсианской макроэкономики находятся в области институциональных особенностей рынков. Наличие «провалов рынка» на микроуровне не только допускает вмешательство государства в экономику, но и делает легитимной стимулирующую макроэкономическую политику.

Необходимо отметить, что не только кейнсианцы занимались разработкой собствен-

ного микрофундамента. Новые классики активно исследовали поведенческие аспекты принятия решений в рамках теории рациональных ожиданий [42]. Новая классическая макроэкономика исходит из рациональности экономических агентов, которые при принятии решений используют максимально эффективно всю доступную информацию и весь имеющийся опыт. Методологически теория рациональных ожиданий исходит из «традиции дедуктивного выведения всех теоретических положений из микроэкономических постулатов маржинализма» [11, с. 166].

Из предпосылки рациональности и трактовки рыночного равновесия как динамического процесса следуют выводы об эффективности функционирования рыночной экономики. Кроме того, в связи с совершенным предвидением экономических агентов делается вывод о неэффективности государственного вмешательства не только в долгосрочном, но и в краткосрочном периоде.

Для нас важно, что новые классики предложили альтернативную новым кейнсианцам программу согласования микро- и макроэкономических теорий. Напомним, что в 70-80 гг. XX в. кейнсианская теория оказалась под огнём критики за неспособность преодолеть проблемы stagflation, хронического дефицита и растущего государственного долга. То есть сама кейнсианская макроэкономика казалась неадекватной экономическим реалиям, и, соответственно, казалась неактуальной и задача поиска микрофундамента для этой теории. В этих условиях новые классики предложили альтернативный путь – использовать строгую, давно себя зарекомендовавшую микроэкономическую теорию для разработки новой макроэкономической теории.

В конце XX в. граница между школами начала стираться⁵. Неокейнсианцы активно используют аппарат рациональных ожиданий, последователи классического направления уже не отрицают необходимость государственного регулирования и повсеместно включают в свои модели институциональные провалы рынков. Накопленная эмпирическая база делает невозможным слепое следование старым догмам и требует адекватной теории.

Комбинация нового кейнсианства и моделей реального бизнес-цикла (RBC) получила

⁵ По оценкам П.Самуэльсона, «90% американских экономистов уже не делятся на "кейнсианцев" и "антикейнсианцев". Вместо этого они стремятся соединить все ценное из старой экономической теории и новых теорий определения доходов» [3, с.619]. Однако данная оценка была дана в 50-х гг. XX в. и, по всей видимости, её автор хотел показать повсеместное принятие неоклассического синтеза.

наименование «нового неоклассического синтеза» [37, p.255-257; 28, с.16-18; 30, с.26-30]. От новых кейнсианцев теория унаследовала элементы несовершенной конкуренции и номинальные жесткости; от RBC-моделей – акцент на технологические изменения и аппарат динамических стохастических моделей общего равновесия (DSGE). Исследователи выделяют различные недостатки DSGE моделей [30, с.30-34]. Но, с точки зрения нашего исследования, важнейшим их недостатком является использование принципа репрезентативного агента, который необходим для того, чтобы приписать экономике единственность и устойчивость равновесия.

Кроме того, развиваются всё новые и новые подходы, свободные от постулатов неоклассической традиции. Можно указать на некоторые из них, связанные с уточнением понятия «рациональность» и разработкой психологических основ экономики.

«Если вы откроете учебник по экономике, то узнаете, что homo oeconomicus способен думать как Альберт Эйнштейн, обладает памятью суперкомпьютера и силой воли Махатмы Ганди» [35, с.71]. В действительности, согласно Нобелевскому лауреату Канеману, "Homo oeconomicus" не умеет смотреть дальше собственного носа, чересчур уверен в своих способностях к предсказанию будущего ... он ведет себя точно так же, как ваш собственный туповатый дядюшка из провинции, над которым втихомолку посмеивается вся семья» [29].

Среди эмпирических результатов, не соответствующих классической теории, современные исследователи выделяют следующие: зависимость от точки отчета, неприятие потерь, социальные предпочтения, переключение предпочтений, эффект постановки проблемы (framing), эффект первоначальной наделённости, гиперболическое дисконтирование, эффект невозвратных издержек, эффект якоря, эффект масштаба решения (decision bracketing), ментальная бухгалтерия, эффект контекста, смещение в результате опыта (availability bias) и др. [7-9; 35, с.61]. Все они ставят под сомнение рациональность поведения экономических агентов.

В связи с этим экономисты предложили множество расширительных трактовок классического положения о рациональном поведении экономических агентов. Например, П.Самуэльсон допускал, что, вместо оптимального, субъекты осуществляют просто некий последовательный непротиворечивый выбор [11, с.165]. Инструментальная рациональность М.Фридмана допускает, что агент лишь использует наилучшие средства для достижения некоторых целей [36, с.54]. В рамках концепции ограниченной рациональности Г.Саймона потребители выбирают первый удовлетворительный для них вариант [11, с.165]. А.Шаститко выде-

ляет также ограниченную рациональность как частный случай полной рациональности (с учетом издержек принятия решений) [5, с.142]; В.Радаев, ссылаясь ещё на работы М.Вебера, – субстантивную рациональность, в рамках которой допускается смена самой системы предпочтений и порядков ранжирования [5, с.149]; В.Автономов – о переменной рациональности, когда индивиды ведут себя рационально или нет в зависимости от внешних обстоятельств [5, с.150].

Важно, что эволюционная теория рассматривает гипотезу ограниченной рациональности как наиболее адекватную и использует именно её [20, с.109]. Согласно эволюционизму экономические агенты действуют локально, в условиях недостаточной информации, поэтому полагаются на социальные конвенции и стереотипы (рутины) как на способ передачи информации. Но такое поведение «рационального неведения» нельзя считать иррациональным – экономические агенты, взвешивая потенциальные выгоды и издержки на сбор и обработку информации, рационально выбирают более «экономное» следование за толпой.

На этой основе даже возникла новая («новейшая» [35, с.70]) теория благосостояния, разрабатывающая инструментарий для микроэкономической политики. Если традиционная теория государственного регулирования сводится к макроэкономической политике, то новые разработки обращают внимание на нерациональное поведение экономических агентов и потому предлагают государству уже на микроуровне стимулировать субъекты к действию в оптимальном направлении.

В дискуссиях о взаимосвязи микро- и макроэкономической теории отдельно следует выделить точку зрения Ф.Хайека [31-32], который возглавил критику неоклассического синтеза с либеральных позиций. Методологическая критика макроэкономического подхода (не только кейнсианского) основывалась на номиналистическом базисе философии позитивизма (Хайек был другом К.Поппера). С его точки зрения, объектом изучения могут быть только конечные субъекты. Именно они являются центрами целеполагания и принятия всех хозяйственных решений, а не абстрактная макроэкономика или репрезентативные агенты и агрегированные сектора, за которыми не стоят никакие объекты реальности [4; 11, с.61-64; 13]. Иными словами, Хайек предложил разрешить противоречия между классической микро- и кейнсианской макроэкономикой за счет признания последней ненаучной.

Особо следует отметить подход неоинституционализма. Р.М.Нуреев [11, с.198-199] отмечает, что, во-первых, неонституционалисты распространяют такие традиционные понятия

неоклассической микроэкономики, как оптимизация, равновесие, эффективность, на области, выходящие не только за пределы микроэкономики, но и за пределы экономической сферы (экономический империализм). Во-вторых, используется методология индивидуализма для изучения социальных институтов. При этом подчеркивается, что социальные образования состоят из отдельных индивидов и не существуют отдельно от них, а потому должны изучаться через призму целенаправленного поведения субъектов.

Наряду с экономической теорией активно развивается микроэконометрика [36; 22, с.795-828] (за разработки в этой области в 2000 г. Нобелевскую премию получили Дж.Хекман и Д.Мак-Фадден). В отличие от традиционной эконометрики и макроэкономического прогнозирования основные характеристики микроэконометрики следующие [36, р.5-10]: микроэкономический фундамент; большое количество данных (микроданные); дискретность и нелинейность; разнородность данных; реализм моделей; структурный подход.

Следует отметить принципиальное влияние микроэконометрики на методологию экономической науки. Ранее наблюдался определенный методический разрыв: неоклассическая микроэкономика была достаточно абстрактной дисциплиной, в то время как макроэкономика опиралась на значительный эмпирический материал. Возникновение микроэконометрики открыло серьезные перспективы для проведения эмпирических исследований на микроуровне; несмотря на то, что лабораторные эксперименты в экономической науке «ограничены микроуровнем» [1, с.5], потенциально это делает микроэконометрику более обоснованной (эмпирически) частью экономической теории.

Из вышеприведенного обзора можно сделать вывод, что принципиальная проблема противоречивости микро- и макроэкономической теории в современной науке не преодолена окончательно. Несмотря на сближение между кейнсианскими и классическими теориями в рамках нового неоклассического синтеза, методологические противоречия остаются неразрешенными. Перспективными кажутся институциональный и эволюционный подходы. Но на текущий момент они остаются, скорее, на обочине теоретического мейнстрима, да и их сегодняшний аппарат не обладает той научной строгостью, которая присуща традиционным методам анализа.

Список литературы

1. Автономов В. Абстракция – мать порядка // Вопросы экономики. 2013. №4. С.4-23.

2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976 (Т. 1). 550 с., 1978 (Т. 2). 687 с., 1981 (Т. 3). 613 с., 1984 (Т. 4). 830 с.

3. Бланишар О.Ж. Неоклассический синтез // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла. М.: Инфра-М, 2004. С.619-626.

4. Бочко В.С. Рассеянное знание и проблема его координации // Труды IV Всероссийского симпозиума по экономической теории. Т. 2. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. С.86-88.

5. Будущее институциональной теории (круглый стол ГУ – ВШЭ) // Вопросы экономики. 2009. №1. С.139-151.

6. Гальперин В.М. и др. Макроэкономика / общ. ред. Л.С.Тарасевича. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. 656 с.

7. Делавинья С. Психология и экономика: результаты эмпирических исследований. Ч. I. Нестандартные предпочтения // Вопросы экономики. 2011. №4. С.47-77.

8. Делавинья С. Психология и экономика: результаты эмпирических исследований. Ч. II. Общественно ориентированные предпочтения и нестандартные убеждения // Вопросы экономики. 2011. №5. С. 56-74

9. Делавинья С. Психология и экономика: результаты эмпирических исследований. Ч. III. Нестандартное принятие решений и реакция рынка // Вопросы экономики. 2011. №6. С.82-106.

10. История экономических учений / под ред. В. Автономова. М.: ИНФРА-М, 2001. 784 с.

11. История экономических учений: (современный этап) / под. общ. ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М., 1998. 733 с.

12. Итуэлл Д. Кейнсианство // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла. М.: Инфра-М, 2004. С.454-457.

13. Капелюшников Р. Философия рынка Фридриха фон Хайека // МЭиМО. 1989. №12. С. 103-148.

14. Кейнс Дж. Общая теория процента занятости и денег // Классика экономической мысли: соч. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 480-786.

15. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1960. 551 с.

16. Классики кейнсианства: в 2 т. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1997. 414 с.

17. Клауэр Р. Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка // Истоки. Вып. 3 / под ред. Я.И. Кузьминова. М.: Высшая школа экономики, 1998. С.308-333.

18. Коландер Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической теории // Вопросы экономики. 2009. №1. С.84-100.

19. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. 384 с.

20. Кюнтцель С. Эволюционное моделирование и критический реализм // Вопросы экономики. 2009. №1. С.101-118.
21. Маркс К. Капитал: в 4 т. М.: Политиздат, 1978. 3883 с.
22. Панорама экономической мысли конца XX столетия. Т.1, 2 / под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, 2002. 1056 с.
23. Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М.: ТЕИС, 2002. 303 с.
24. Самуэльсон П. Основания экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2002. 604 с.
25. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М.: Вильямс, 2008. 1360 с.
26. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Классика экономической мысли: соч. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 77-402.
27. Современная экономическая мысль / под ред. С.Вайтрауб. М.: Прогресс, 1981. 845 с.
28. Столбов М. Современная макроэкономика: основные вызовы и возможные векторы изменений // Вестник Института экономики РАН. 2012. №3. С.15-28.
29. «Странная парочка» нобелевских лауреатов // URL:<http://subscribe.ru/archive/business.globalec/200210/15104845.text> (дата обращения: 02.09.2013).
30. Фаджиоло Д., Ровентини А. О научном статусе экономической политики: повесть об альтернативных парадигмах // Вопросы экономики. 2009. №6. С.24-47.
31. Хайек Ф. Индивидуализм и свободный порядок. М.: Изограф, 2001. 256 с.
32. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб.: Пневма, 2003. 288 с.
33. Хауитт П. Макроэкономика: отношение с микроэкономикой // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла. М.: Инфра-М, 2004. С.485-492.
34. Хикс Дж. Господин Кейнс и классики: попытки интерпретации // Истоки. Вып. 3 / под ред. Я.И. Кузьминова. М.: Высшая школа экономики, 1998. С.293-307.
35. Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. 2012. №10. С.52-75.
36. Cameron A.C., Trivedi P.K. Microeconomics. Methods and applications. Cambridge: The Cambridge University Press, 2005. 1034 p.
37. Goodfriend M., King R. The New Neoclassical Synthesis and the Role of Monetary Policy // NBER Macroeconomics Annual, 1997. P.231-282.
38. Leijonhufvud A. On Keynesian Economics and Economics of Keynes. New York, 1968. 466 p.
39. Modigliani F. Liquidity preference and the theory of interest and money // Econometrica, 1944, January. P.45-88.
40. New Keynesian Macroeconomics, Vol. 1: Imperfect Competition and Sticky Prices / ed. by G. Mankiw, P.Romer. The MIT Press, 1991. 444 p.
41. New Keynesian Macroeconomics, Vol. 2: Coordination Failures and Real Rigidities / ed. by G. Mankiw, P.Romer. The MIT Press, 1991. 464 p.
42. Rational Expectations and Econometric Practice / ed. by Lucas R., Sargent T. The University of Minnesota Press, 1984. 689 p.